

РОБЕРТ МУЗИЛЬ

Соединения

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-32
ББК 84(4Авс)
М89

ROBERT MUSIL
Vereinigungen
1911

Перевела с немецкого И. Алексеева

Музиль Р.

М89 Соединения : [сборник] / Роберт Музиль ; [пер. с нем. И. Алексеевой]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 159 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-03534-9

В эту книгу, помимо сборника новелл «Соединения» — о женщинах, постигающих себя и свои любовные чувства, в котором автору удастся осуществить художественный эксперимент, практически полностью сняв разграничение между внешним миром и ощущениями персонажей, вошли маленькие истории и размышления, напоминающие предвидение, облеченное в образы. Подобные предсказания удаются тому, кто наблюдает жизнь людей в мелких ее проявлениях, кажущихся недостойными внимания, и отдается во власть ощущений, которые безыскусно выражают себя в том, что мы делаем и чем себя окружаем. В этих «Картинках» и «Историях без историй» проглядывает язвительность, свойственная газетным сатирическим зарисовкам. Эта критика малых ошибок не теряет своей ценности и во времена, когда уже совершены неизмеримо большие ошибки.

УДК 82-32
ББК 84(4Авс)

ISBN 978-5-517-03534-9

© Алексеева И. С., перевод
на русский язык, 2021
© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Соединения

— Ты действительно не можешь со мной поехать?

— Нет, не могу; ты же знаешь, мне приходится из кожи вон лезть, чтобы именно сейчас все быстро закончить.

— Но Лили была бы так рада...

— Конечно, конечно, но это невозможно.

— А без тебя мне ехать совсем не хочется...

Его жена говорила это, разливая чай, и при этом смотрела на него, а он сидел в углу комнаты, в кресле, обитом светлой тканью в цветочек, и курил сигарету. Был вечер, и темно-зеленые жалюзи выглядывали на улицу, составляя длинный ряд вместе с темно-зелеными жалюзи в других окнах и ничем от них не отличаясь. Словно две пары спокойно и плотно сомкнутых век, они скрывали сияние этой комнаты, в которой из матово поблескивающего серебряного чайника струя чая лилась в чашки, с тихим звоном разбивалась о фарфор, и в пронизывающем ее свете казалась замершей, словно прозрачная витая колонна из золотисто-коричневого легкого топаза... На слегка выпуклую поверхность чайника ложились блики — зеленые и серые, синие и желтые; они были неподвижны, как будто слились воедино и им некуда деться. А рука женщины уходила куда-то вверх и вместе со взглядом, направленным на мужа, образовывала резкий, жесткий угол.

Разумеется, со стороны хорошо видно было, что это угол; но его другую, почти телесную суть могли ощутить в нем только эти двое, которым казалось, что стороны угла скреплены оттяжкой из прочнейшего металла, и она удерживает их на своих местах и, хотя они находятся далеко друг от друга, связывает их воедино, в такое единство, которое даже можно воспринять с помощью органов чувств; конструкция опиралась на их тела, и они чувствовали ее давление где-то под ложечкой. Она заставила их неподвижно замереть, прислонившись к спинкам своих кресел и вытянувшись вверх, с неподвижными лицами и остановившимся взглядом, но все же там, где было давление, они замечали нежнейший трепет, что-то легкое, едва ощутимое, словно их сердца, как два роя маленьких мотыльков, перелетают одно в другое...

На этом слабом, почти невероятном и все же столь хорошо ощутимом чувстве, как на тихонько подрагивающей оси, держалась вся комната, и еще на этих двух людях, на которых эта ось опиралась. Предметы вокруг затаили дыхание, свет на стене обратился в застывшие золотые кружева... и все молчало вокруг, замерло в ожидании, было здесь только благодаря им; ...время, которое, как бесконечно поблескивающая нитка, тянется через весь мир, казалось, проходит прямо через эту комнату, проходит через этих людей, а потом вдруг внезапно останавливается и становится твердым, совсем твердым, и неподвижным, и сияющим. И предметы немного придвигаются друг к другу. Это было такое замирание, а затем беззвучное оседание, какое бывает, когда внезапно начинают образовываться поверхности и возникает кристалл... Вокруг этих двоих, через которых проходил его центр и которые внезапно посмотрели друг на друга сквозь это задержанное дыхание, это нагромождение, это примыкание к предметам, как сквозь тысячи зеркальных граней, а затем смотрели все вновь и вновь, словно видели друг друга в первый раз...

Женщина поставила чайник, ее рука легла на стол; словно утомившись от тяжести своего счастья, оба отки-

нулись на подушки и, не отрывая взгляда друг от друга, улыбались, забыв обо всем на свете, они ощущали потребность ничего не говорить друг о друге: и вновь заговорили о больном, об одном больном из книги, которую они прочитали, и одновременно начали с совершенно определенного места и определенного вопроса, словно все время думали об этом, хотя это было не так, ибо они тем самым лишь продолжили разговор, который она вот уже много дней подряд вела в особой манере, словно его лицо было тому виной, и пока речь шла о книге, она смотрела куда-то в сторону; но через некоторое время они, сами того не замечая, переступили через эту неосознанную преграду, и их мысли вновь вернулись к ним самим.

— Как мог такой человек, как этот Г., считать, что у него все хорошо? — спросила женщина и, погруженная в размышления, продолжала, как бы обращаясь только к самой себе: — Он совращает детей, толкает молодых женщин на путь позора, а потом стоит, улыбается и, как зачарованный, смотрит на ту капельку эротики, которая слабой зарницей вспыхивает в нем. Ты думаешь, он считает, что поступает неправильно?

— Считает ли он?.. Возможно — да, а возможно и — нет, — ответил мужчина, — а может быть, когда имеешь дело с такими чувствами, подобный вопрос неуместен.

— Но мне кажется, — сказала женщина, и теперь из ее слов становилось ясно, что она имеет в виду вовсе не этого случайного человека, а нечто совершенно определенное, смутно всплывающее из разговора о нем, — мне кажется, он считает, что поступает правильно.

Теперь мысли некоторое время беззвучно перетекали от одного к другому, затем, отлетев уже далеко, вновь появлялись, уже облеченные в слова; но, как ни странно, было такое ощущение, будто они до сих пор еще молча держали друг друга за руку и все основное было уже сказано.

— Он поступает плохо, он приносит зло и страдания своим жертвам, он должен знать, что он их деморализует, извращает их чувственность и приводит ее в состояние та-

кого беспокойства, что она вечно обречена будет стремиться все к новой и новой цели; ...и все же такое ощущение, будто видишь, как он улыбается при этом. Лицо все размягченное и бледное, исполненное печали, но решительное, полное нежности... с улыбкой, полной нежности, которая плывет над ним и над его жертвой, словно дождливый день над землей, посланный небом; непостижимо, но в его печали таится прощение, в способности чувствовать, открывающейся в нем, когда он разрушает... Ведь наверное всякий мозг — это нечто одинокое и отдельное ото всех...

— Да, действительно, разве не всякий мозг одинок?

Эти двое, которые теперь замолчали, думали вместе о том третьем, неизвестном, об одном из многих третьих, словно прогуливались вместе где-то за городом: ...деревья, луга, небо, и вдруг незнание того, почему оно здесь синее, а там — сплошные облака, они чувствовали, как все эти третьи стоят вокруг них, как тот огромный шар, который смыкается вокруг нас, и взирает на нас иногда отчужденным стеклянным взором, и заставляет нас зябнуть, если полет какой-нибудь птицы процарапает в нем непонятную извилистую линию. И внезапно в вечерней комнате наступило холодное, просторное, светлое, как день, одиночество.

Тогда один из них произнес слова, и показалось, что тихо запела скрипка:

— ...Он как дом с запертыми дверьми. То, что он сделал, звучит в нем, наверное, как тихая музыка, но кто ее услышит? Наверное, она-то и превращает все в сладостную печаль...

А другой отвечал:

— Наверное, он вновь и вновь пытается на ощупь пройти сквозь самого себя, силясь отыскать выход, и наконец останавливается, прижимается лицом к стеклу плотно закупоренных окон, издали смотрит на возлюбленные жертвы и улыбается...

Больше ничего не было сказано, но в этом блаженно затаенном молчании всякое новое слово звучало звонче и раздавалось далеко.